

ТЮТЧЕВЪ У КАШУБОВЪ.

Занимаясь исторіей и литературой остатковъ Поморскихъ Славянъ, еще доселѣ подь именемъ Кашубовъ живущихъ въ Западной Пруссіи, набрелъ случайно я на извѣстія о вліяніи на Кашубовъ О. И. Тютчева. Можетъ-быть, эти строки нелишнимъ будетъ сохранить на страницахъ той Записной Книжки, которую вотъ уже почти полвѣка ведетъ о достопамятныхъ нашихъ людяхъ „Русскій Архивъ“.

Литературныя сношенія между Русскими и Кашубами начались очень рано, когда еще и не думала заниматься заря Кашубскаго народнаго самосознанія, и бѣдное племя это, ютясь въ жалкихъ хижинахъ среди болотъ и лѣсовъ, медленно и неуклонно нѣмчилось. Первымъ заинтересовался Кашубами графъ Н. П. Румянцевъ; узнавъ о нихъ со словъ Гданскаго пастора Мронговіуса, онъ немедленно же послалъ ему 200 рублей, прося собрать для него образцы живого Кашубскаго нарѣчія и печатные и рукописные памятники, если таковыя сохранились у Кашубовъ. Первымъ, кто познакомилъ ученый міръ съ забытымъ народомъ, былъ тоже Русскій, Петръ Ивановичъ Прейсъ. Напечатанное въ Журналѣ Министерства Народнаго Просвѣщенія за 1840-й годъ донесеніе его министру о заграничной его командировкѣ впервые давало ясныя и опредѣленныя свѣдѣнія о Кашубскомъ нарѣчіи. Наконецъ первый, кто полно и научно обследовалъ Кашубовъ, самъ объѣздивъ Кашубскую землю, былъ Русскій же, А. О. Гильфердингъ. Руководителемъ его въ этой поѣздкѣ былъ докторъ Флоріанъ Цейнова (род. 1818, ум. 1881 г.), первый представитель Кашубскаго народнаго самосознанія, родоначальникъ Кашубской литературы.

Сынъ кузнеца изъ деревни Славошена, Пуцкаго уѣзда Гданскаго округа, Цейнова въ молодости былъ Польскимъ повстанцемъ. (Кашубы культурно и этнически всего ближе къ Полякамъ) и за предполагавшееся нападеніе на Староградъ былъ осужденъ даже на смертную казнь*). Но съ теченіемъ вре-

*) См. объ этомъ въ статьяхъ нашихъ „Кашубы и ихъ литература“ (Славянскія Извѣстія за 1910 г. № 3 и др.).

мени коммунистическіе взгляды его измѣнились: онъ сталъ искать спасенія для своего народа не въ политикѣ возстаній, а въ культурной работѣ, черпающей для себя силы въ сознаніи общеславянскаго возрожденія, при чемъ на первое мѣсто выдвигалась здѣсь Россія. Начавъ издавать свой „Скарбъ Кашубско-славянскаго языка“, маленькій журнальчикъ въ размѣрѣ нашихъ копѣчныхъ книжекъ, онъ въ одномъ изъ первыхъ же нумеровъ помѣстилъ тамъ сказку Пушкина о рыбацкѣ и рыбкѣ:

Żeł to starészk se swojã starézka
Wu samého wjélgjeho mórza...

„Слава ученымъ побратинцамъ Москалямъ и Чехамъ за то, что они не одну уже работу о Кашубскомъ языкѣ написали и напечатали!“ писалъ онъ тамъ же. Въ 1867 г., несмотря на бойкотъ Московскаго Славянскаго съѣзда Поляками, онъ отъ имени Кашубовъ явился въ Москву и тамъ, конечно, имѣлъ возможность слышать отъ устъ самого Тютчева его привѣтственное стихотвореніе Славянамъ:

Привѣтъ вамъ задушевный, братья,
Со всѣхъ славянщины концовъ!

оканчивавшееся надеждою, что „слово Царь-Освободитель за Русскій выступить предѣлъ“. Тогда же, вѣроятно, ознакомился онъ и съ другими стихами Тютчева и перевелъ его посланіе „къ Ганкѣ“. Свои Славянскія идеи, свои Русскія сочувствія Цейнова со свойственной ему прямою и рѣзкостью не стѣбнялся высказывать и по возвращеніи домой, не упуская для этого никакого случая. Объ этомъ мы имѣемъ свидѣтельство очевидца, кс. Густава Поблодкаго, который напечаталъ недавно въ Польско-Кашубскомъ журналѣ „Грифъ“ (Gruf, I, №№ 5 и 6) жизнеописаніе Цейнова, не находя впрочемъ словъ, чтобы заклеить „панславистическую“ работу своего учителя. Приводимъ эти любопытныя строки полностью.

Цейнова, видя, что онъ самъ не можетъ успѣть въ своей панславистической работѣ, служилъ панславизму, вербуя ему сторонниковъ посреди старшихъ учениковъ гимназій въ надеждѣ, что позднѣе, занявъ положеніе въ обществѣ, они будутъ полезны Москалямъ. Съ этой цѣлью онъ часто, бывало, пріѣзжалъ въ Хойницы и Вейерово, гдѣ всего больше было Кашубской молодежи. Велъ онъ дѣло такъ. Къ себѣ въ гостиницу или на квартиру кого-нибудь изъ надежныхъ учениковъ онъ приглашалъ заранѣе уже намѣченныхъ воспитанниковъ. На кого нельзя было положиться, кто могъ донести о сходкѣ, приглашенія, конечно, не получалъ. Какъ только гости сходились (а сходились всѣ, потому что каждый считалъ приглашеніе себѣ за честь), докторъ начиналъ угощать своихъ гостей и пивомъ, и виномъ, и сигарами, и сладостями. Веселые это были вечера, иногда, можетъ-быть, даже слишкомъ веселые. Подъ предводительствомъ доктора пѣлись пѣсни, а особенно одна, которую Цейнова самъ перевелъ съ Русскаго и любилъ ее повторять, пѣснь Тютчева:

1. Вѣковать ли намъ въ разлукѣ? Не пора-ль очнуться намъ И подать другъ другу руки, Нашимъ кровнымъ и друзьямъ? 2. Вѣки мы слѣпцами были И, какъ жалкіе слѣпцы, Мы блуждали, мы бродили, Разбрелись во всѣ концы. 4. И вражды безумной сѣмя Плодъ сториичный принесло: Не одно погубло племя, Иль въ чужбину отошло. 6. Но среди сей ночи темной, Здѣсь на Пражскихъ высотахъ, Доблій мужъ рукою скромной Засвѣтилъ маякъ въ потьмахъ. 7. О, какими вдругъ лучами Озарились всѣ края! Обличилась передъ нами Вся Славянская земля. 8. Горы, степи и поморья День чудесный осіялъ, Отъ Невы до Черногорья, Отъ Карпатовъ за Ураль. 9. Разсвѣтаетъ надъ Варшавой, Кіевъ очи отворилъ, И съ Москвой золотоглавой Вышеградъ заговорилъ. 10. И нарѣчій братскихъ звуки Вновь понятны стали намъ. На яву увидятъ внуки, То, что снилося отцамъ!	1. Vjecznie*) żec nam w rozłączeniu? Ju pora wodecknjenja! Niech swój swemu poda rękę— Svim krewnim, przejacelam 2. Vjekj mé slepémj bélé, Godni pólétovanjá; Mé błádzélé, błakalé sę Pò różnéh sojata stronah. 4. Durnè ujenavsce semję Przenjosło stokrotni plon— Przepalo njejedno plemję Abo wędrowało w swjat. 6. Ale wstród tè nocé cemnè Tę na Pragskjh pagórkah Skrómna ręką muž cerplévi Blizę wósvjetlél dlá nas. 7. Ah jakjmj to promjenmi Kraje nasze zablésły! Zajasnja tu pred wóczima Słowianjská zemja całá! 8. Góré, puszcze é pòmórza Dzenj cédovni wósvjecél Wòd Nevè do Czárnogórza, Wòd Labé do Wurala. 9. Rozvjdnjá sę ve Varszavje, Kjjòv mòczé wòtvòrzék; A do Mòskvé zlotogłòvè Viszegrad zás przemówjeł. 10. Podzimmého słowa brzmjenjá Stafe sę pojętne nam— Najavje wjdzą to wnukj, Wò czym snjło sę wójcam!

Когда въ головѣ у всѣхъ достаточно шумѣло, наступала пора дѣйствовать. Цейнова начиналъ излагать цѣль собранія. „Мы пропадемъ и съ головою, говорилъ онъ, пропадемъ ни за грошъ, рано или поздно насъ онѣмечать, если мы не обопремся на Россію. Она вѣрный другъ всѣхъ Славянъ, а особенно насъ, Кашубовъ. А между тѣмъ, что мы дѣлаемъ? Посмотрите на наши газеты. Здѣсь въ Пруссіи и въ Австріи грозятъ они нашимъ врагамъ Нѣмцамъ пальцемъ въ сапогѣ или кулакомъ въ карманѣ, но пусть дойдетъ дѣло до Русскаго, сейчасъ же кулакъ изъ кармана вонъ и потрясаютъ имъ, ругая направо и налево, особенно, если пишутъ въ безопасномъ мѣстѣ, во Франціи

*) Кашубское cz=Русскому ч; sz=ш; ź=ж; rz=рж (мягкому р); ł=твердому л (эль), l мягкому л (эль); ą=он; ę=ен.

или въ Англіи. Такъ далѣе быть не можетъ, быть не должно. Господа! Если вы не хотите погибнуть, если не хотите утонуть въ Нѣмецкомъ морѣ, протяните руку Россіи: она насъ спасетъ и освободитъ. Однажды (это было послѣ возстанія 1863 г.) послѣ такой панславистской проповѣди помимо выпитаго вина и пива, настолько еще ясно было въ головахъ собесѣдниковъ, что всѣ мы гурьбою запротестовали противъ братанья съ Москалями, а одинъ изъ насъ чуть было не бросился на проповѣдника. Въ концѣ концовъ однако это неприятное *intermezzo* запивали мы виномъ и, какъ подобаеть „воспитаннымъ“ людямъ, на разсвѣтѣ *in согроре* проводили доктора до экипажа, а онъ, сердечно прощаясь, говорилъ намъ: „до свиданія, до другого разу!“ Не обошлось, конечно, при этомъ и безъ задачи брошюрь сочиненія Цейновы“.

Проповѣдь Цейновы не имѣла успѣха среди Кашубской интеллигенціи. Предразсудками и враждою заросла почва, въ которую онъ бросалъ свои сѣмена. Не будемъ однако этому дивиться. Слишкомъ тяжело живется Кашубамъ и Полякамъ подъ Прусскимъ владычествомъ. Точно чья-то желѣзная исполинская рука придавила всю Познань и Западную Пруссію, и люди подъ ея давленіемъ едва могутъ шевелиться. Трудно забыть, что это положеніе создалось не безъ нашего соизволенія не только въ XVIII вѣкѣ, но и въ XIX, когда послѣ Вѣнскаго конгресса начальникъ Русскаго гарнизона въ Познани полковникъ Николаевъ открылъ 28 Мая 1815 г. ворота города войскамъ безземельнаго короля Фридриха-Вильгельма. Тѣмъ болѣе чести Цейновѣ, что воспоминанія прошлаго не отуманили его взгляда. Если когда-нибудь въ „Славянской міровой громадѣ“ водворится ладъ и съ „Русью Польша помирится“ (а это быть должно и будетъ), имя Цейновы вспомнятъ тогда съ благодарностью. Вспомнятъ и Тютчева. Не подо всѣми политическими стихотвореніями Тютчева подпишутся всѣ Славяне; но очевидно, во многихъ его стихахъ есть заразительная сила Славянскаго чувства, Славянской мысли. Цейнова—наглядное этому доказательство.

Человѣкъ призванъ бросать на землѣ сѣмена мысли благородной, чувствъ высокихъ, но всходы этихъ сѣмянъ не въ нашей власти и въ жизни духовной иногда появляются тамъ, гдѣ ихъ и не ожидаешь. Тютчевъ былъ однимъ изъ такихъ сѣятелей добра. Былъ онъ однимъ изъ будителей не только Русскаго народнаго, но и Славянскаго самосознанія.

Андрей Сиротининъ.

